

Леонид
Вольман

ИСТОКИ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Протопамять, прибоем скликающая,
Ко пределам ты всех прислонишь,
Будто раковина неумолкающая,
Полнясь гулом пустующих ниш...
Вячеслав Киктенко (Из книги «ГУЛ»)

В январе 1913 года в книге Алексея Кручёных «Помада» был опубликован стихотворный триптих «Дыр бул щыл», объявленный первым образцом «иноного звука и словосочетания». Кручёных заявлял, что в тексте его стиха «больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина».

Современники Кручёных, футуристы, называли это сочетание буквенных знаков «дырой в будущее». Антагонисты футуризма трактовали словосочетание иначе. Владислав Ходасевич посчитал его «первым криком и лебединой песней течения... (футуризма. – Л. В.)», после которого «дальше идти было некуда...» А Зинаида Гиппиус, раздвигая специфические рамки литературного критика, категорически заявила, что «“дыр бул щыл” – это то, что случилось с Россией...»

Разумеется, «заумь» новых творцов являла собой не только искания новых «неведомых слов» (В. Бурлюк). Отрицание определенных значений в текстах футуристов было связано с их революционным неприятием всех существующих норм человеческого сообщества.

Соавтором «дичайшего» Алексея Кручёных был «гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии» (О. Мандельштам), гениальный поэт Велимир Хлебников (поэмы «Игра в аду», «Бунт жаб», статьи «Слово как таковое», «Буква как таковая», черновик манифеста для «Рыкающего Парнаса», ряд стихотворений). Их объединяло многое, в том числе использование фольклорных мотивов в стихотворных текстах. Общеизвестно, что у футуристов рифмовка и метрические системы, характерные для народной поэзии, часто становились предметом стилизации. Некоторые произведения Хлебникова отличаются элементами так называемой «эмбриональной рифмы», типичной для былин, встречаются также некоторые рифмы, свойственные рифмам частушки. Исследователи футуристического направления отмечали, что концепция футуристической «зауми» строилась на попытке возвращения к древним источникам речи. Именно в праязыке футуристы искали

источники максимального выражения в передаче своих творческих импульсов, именно праязык у футуристов становился «былинным камнем», от которого они начинали свой путь к языковому строительству и изобретательству.

Использование фольклорных мотивов в поэзии диктовало ритмическое, стилистическое и семантическое построение произведения. Литературоведами было замечено, что область ритма является особенно восприимчивой по отношению к народным мотивам. Так, Томашевский говорил, что «каждый язык имеет свой особенный ритмический материал, и поэтому в нем вырабатывается своя метрическая система», персональная для языка данного народа. А Жирмунский сделал вывод о том, что «каждый языковой материал, поддающийся ритмизации, по природе своей уже национален. В результате... поэзия вообще народна по своему материалу и в этом отношении гораздо национальнее прозы. Именно поэтому поэтический текст, независимо от сформировавшей его литературной тенденции, всегда останется плодом народного творчества».

Ранние произведения Хлебникова зачастую были обращены к Киевской Руси, язычеству, первобытному состоянию человечества. Хлебникову, как писал известный исследователь творчества поэта Николай Степанов, «близко это языческое, дикарское восприятие мира, он показывает его не как экзотику, не в его отдаленности, а как близкий ему, остро и непосредственно ощутимый мир, находящийся здесь же рядом. В этом “язычестве” самого автора как бы стирается граница между прошедшими веками». Воскрешение языческих времен в поэзии Хлебникова, писал исследователь, имело современное и актуальное значение как знаменье мощи и единства славянства. В стихотворении «Перуну» Хлебников слагает гимн в честь Перуна, созидающей и оплодотворяющей силы, языческого божества, воинственного и победоносного, но свергнутого в воды Днепра после крещения русичей князем Владимиром.

Над тобой носились беркута,
 Порой садясь на бога грудь,
 Когда миял ты, рея, омута,
 На рыбы наводя поселки жуть.
 Бог, водами носимый,
 Ячаньем встречен лебедей,
 Не предопределил ли ты Цусимы
 Роду низвергших тя людей?..

В отходе от язычества, в христианстве Хлебников видит причину утери Россией ее воинской мощи и в итоге – поражение в русско-японской войне, трагедию Цусимы.

* * *

Хлебниковская модель постижения причины и следствия стала методом в творчестве его восприемников. Через несколько десятилетий в русской поэзии появились такие строки:

Идут деревянные боги,
 Скрипя, на великий покой.
 За ними бредет по дороге
 Солдат с деревянной ногой.

Не видит ни их, ни России
Солдат об одном сапоге.
И слушает скрипы глухие
В своей деревянной ноге.

Солдат потерял свою ногу
В бою среди белого дня.
И вырубил новую ногу
Из старого темного пня.

Он слушает скрипы пространства.
Он слушает скрипы веков.
Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов.

Мы раньше молились не Богу,
А пню среди темного дня.
Он вырубил новую ногу
Из этого старого пня.

Бредет и скрипит по дороге
Солдат об одном сапоге.
Скрипят деревянные боги
В его деревянной ноге.

Скрипят деревянные вздохи,
Труху по дороге метут.
Народ разбегается в страхе.
А боги идут и идут.

По старой разбитой дороге
В неведомый темный конец
Идут деревянные боги.
Когда же пройдут наконец?..

Прошли деревянные боги,
Прошли на великий покой.
Остался один на дороге
Солдат с деревянной ногой.

Стихотворение принадлежит известному поэту, переводчику, литературному критику, редактору Юрию Кузнецову (1941–2003). В своем творчестве он часто обращался к мотивам славянской языческой мифологии, но при этом читатель находил в его произведениях публицистический заряд, позиционированный как «мысль народная». Именно Юрий Поликарпович Кузнецов, будучи членом редакционной коллегии сборника «День поэзии», главным его редактором, в начале 80-х открыл широкому читателю новое имя: Вячеслав Киктенко. Эти два человека,

маститый редактор и молодой поэт (г. р. 1952), обнаружили общее свойство: их поэтическая «закваска» носила родственный характер, они, как говорится, были из одной стаи «легких времирей» (В. Хлебников).

В информационной справке Википедии сообщается, что из особенностей творчества Вячеслава Киктенко «следует отметить музыкальную лиричность стихотворений, тянущуюся из детства в форме “волшебных” детских считалок, заговоров, заклинаний (так называемые “дегенерировавшие заклинания”, когда-то в глубокой древности бывшие заклинаниями взрослых, а потом “отошедшие” в область детства, как например: “Вышел месяц из тумана...”, “На золотом крыльце сидели...” и т. д.). На их основе созданы многие стихотворения, составившие целую книгу под названием “Волшебные стихи”».

... и приснилась вода,
Золотая вода,
И стояла вода на траве,
И траву обтекала,
Ибо в кончик воды
Упиралась звезда вертикально...

Чей это сон? Кто его записал, произнес? Не тот ли человек, который оставил после себя вот это:

...У колодца расколоться
Так хотела бы вода,
Чтоб в болотце с позолотцей
Отразились повода.
Мчась, как узкая змея,
Так хотела бы водица
Убегать и расходиться...

Нет, целое столетие разделяет жизни этих двух поэтов. Но, представляется, если бы встретились они на каком-нибудь перепутье, то один выслушал бы другого и благословил на все времена, пока существует Русь, пока жива память об истоках языка русского:

...Глядь, – из пёрышка Свет! –
Ровно твой дом изнутри зажгли.
Грудью ли мощною разбивала дуб-стародуб в щепу,
На яйцах ли золотых, катаемых облаками, высиживала огольцов,
Крылом покрывала полмира, а потом опять на том же дубу,
На дубу молодом качала ярких птенцов.
Долго думал я – что за птица залетела ко мне
Из Алтайских гор, из дремучих лесов, из высоких неб,
А потом додумался: если птица – огонь, то не сгорит в огне,
Не измокнет на дне, не утонет во сне, и вообще никакого не
В ней не бывало – и нет!..

В книге стихотворений «Волшебные стихи» (название, скорее всего, по аналогии с «Волшебными сказками») Вячеслав Киктенко сумел облечь собранные им слова в слышимую, физически ощутимую, ткань музыкального звучания:

Свистень, перстень, уголёк!..
Помнишь? – липкий тополёк.
В тёплой дымке, в лёгкой плёнке
Путается мотылёк.
Воздух памяти латая,
Он летит, не долетая,
И садится, и сидит,
Белым домиком глядит.

Свистень, перстень, белый дым!..

И становится седым.
И в коре, не долетая,
Умирает молодым.
Только азбука жива,
Только, разве что, слова
Всё ещё свистят и блещут,
Ну одно, ну, может, два, –
В плёнке, в коже, в дыму...

Кликнул их по одному:
Свистень! Перстень! Уголёк!..

Плёнку дёрнул
И совлёк
С дымных вёсен молодую
Жизнь, так нежно завитую
В память, в меловой кулёк...

Лопнет ветка тополиная.
Запнётся мотылёк.

Какой инструмент тут слышится? Конечно, звук деревянной флейты Пана, в пастушеском мире называемый свирелью.

Свирель... И снова проступает в памяти хлебниковское: «Я свирел свою свирель, выполняя мира рок».

Одно из центральных мест в сборнике «Волшебные стихи» занимает стихотворение «Бормотанья из бурьяна...» Его текст можно характеризовать как шифр. Шифр колдовства.

У всякого колдовства есть цель. Цель поэта-колдуна при создании этого стихотворения заключалась в том, чтобы пробиться через систему «кровеносных сосудов» тысячелетнего древа поэзии к питающему его источнику:

Бормотанья из бурьяна
Травяного Великана,
Ядовитого дурмана заклинания:
«Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана»,

Да угрозы всё, да воспоминания.

Будто каменные острова,
 Ходят в небе те слова,
 И не ведать бы ночей с разговорами,
 Как он вышел из тумана,
 Что он вынул из кармана,
 Как решился – буду резать!
 И добавил – буду пить
 Под заборами...

Сказки мороком опели,
 Розы чайные кипели,
 Заплетались языки и травы длинные
 Давней ночью, у забора...
 А в саду поймали вора,
 И пылали по углам кусты малиновые...

Проговаривание этого стихотворного текста в своем звучании представляется скороговоркой древнерусской ведуньи, вошедшей по каким-то своим канонам в состояние экстатического транса.

Вообще, текстовую структуру книги Вячеслава Киктенко составляют заговоры, заклятья, волхованья, колыбельные; они, как «грампластинки тех слоёв» (стихотворение «Пни», «...Пни – прообразы музеев, / Грампластинки тех слоёв...»), задают общий музыкальный фон и особую ауру, свойственную волшебной сказке.

Мощной энергетикой заряжено стихотворение «Таяние». Оно захватывает и «прапраздничеством язычества», и «гибельным восторгом» в «буреломе крови», и ощущением абсолютной власти над самим собой, и наэлектризованными толпами. Это стихотворение дает особое зрение: ты начинаешь видеть через призму тающих «руин льда» основу жизни:

...Когда незримо властвует иное
 Душой и телом – женское, ночное
 В природе пробуждается,
 Когда
 Захламленные, полыхнут зловещим
 Теплом – сквозь ржавь, просоночье – леса,
 Торфяником набухшие, промешан
 Хвощей топучим хаосом, кромешен,
 Поддонный жар корьём дохнёт, из трещин
 Болотных прососётся бирюза,
 Ты присмотришь – по-волчьему у женщин
 Голодные протаяли
 Глаза!..

Поэт Вячеслав Киктенко, создавая свою книгу «Волшебные стихи», не мог пройти мимо сакрального символа Руси, ее исторических судеб, – символа колокола. Его звон во все времена сопровождал русича на протяжении жизненного пути. Колокольный звон богат множеством голосов. На вечернем закате он мог настроить слушающего на романтический лад, в большие праздники переливался

благовестом, а в дни тяжких испытаний грозным набатом сплывал людей для преодоления общей беды. Над колоколами проводили обряд крещения, и, как живым созданиям, давали имена. У каждого колокола был свой узнаваемый голос и своя судьба. В истории России известны случаи, когда колокола попадали в опалу. Например, в XV веке, после подавления новгородской независимости, по приказу царя Ивана III был снят Вечевой колокол и отправлен в Москву. Два столетия он звонил с колокольни Успенского собора, но в XVII веке по особому распоряжению царя Федора Алексеевича был сослан в один из монастырей Заонежских погостов (Карелия) за то, что в полночь своим звоном испугал правителя.

...взгромоздился на колокольне

Зверь, обличьем могуч и велик.

На старушечьем вече

Юдольно

Закачался певучий язык:

Срам-срам-срам,

Блуд-блуд-блуд,

Там-там-там

Лют-лют-лют

Зверь-мох-нат,

Чёр-ту-брат,

В не-бе-он

Как-в гро-бу...

Встарь: дин-дон,

Днесь: бу-бу...

«Язычище б кто выломил аспиду!..

– Зверю-ангелу, прости Господи...

– Земные леса полушил,

В иные приковьялял...

– Кто его в клеть заташил?..

– Кто его в небе распял?..

– А может, он Светлый Гонец?..

– А может, он Свету Конец?..

– А может, прости меня, грешную,

Не лих там корчит, не зло,

А скорбь да печалю нездешнюю

В пустые места нанесло?..

– А вдруг там и нет никого?..

– Да кто ж бы урчал за него?..

– И-и, девушки, свято место

Да разве бывает пусто?..»

Автор назвал свое произведение легендой. Но нас преследуют фактические события: мы знаем, как Петр Первый, названный раскольниками Антихристом, переплавлял колокола на пушки, нам рассказывали, как большевики сбрасывали колокола с высоты колоколен.

Колокольня была расшатана
Ветром, веком,
И человеком обшарена
Снизу доверху...
Пустота
От подножия до креста.
О гранит гулкий колокол хряснули
С вичевого гнезда,
Протекло
По долинам рыдание слёзное,
И под землю тяжко ушло...

В клетке рёбер – от месяца свет.
В небесах – сердца полый след.
В колокольне – колокола нет.

И завёлся прозрачный бред...

Я переворачиваю последнюю страницу книги Вячеслава Киктенко «Волшебные стихи», а перед глазами светятся, не исчезают последние строки стихотворения «Колокольня»:

... И стоит колокольня, отпевшая,
Отрычавшая, отскорбевшая,
Паутины, предания вьёт,
Да окрест, говорят, с перезвонами,
На заре, стебельками червонными
В небе воздух прозрачно поёт.
Только слышно не каждому, вишь-ты,
Не для всякого, мол, горит:
Ухо имущий – да услышит,
Око имущий – да прозрит.

Глава вторая из поэмы Вячеслава Киктенко
СКАЗКА О ДОМЕ

...и привел Человек свою женщину к стройной, могучей,
Золотистой сосне. И вперил в неё взор свой дремучий...
И перстом узловатым в неё
Ткнул и молвил: «Вот – дом!»
И заплакала женщина: «Спятил!..
Даже если ты выдолбишь эту колоду, как дятел,
Разве это жильё?
Ствол, конечно, большой. Но и ты ведь большой, Человече!
Даже встанешь внутри, даже я тебе встану на плечи,
Дети встанут один за другим –

Разве все мы поместимся там, в домовине стоячей?
Плохо там, Человек, без уюта, без пищи горячей...
Ты не будешь таким?...»

Долго плакала глупая и проклинала свой выдел.
Но большой Человек не ударил её, не обидел,
Нежно хрупкие плечи обнял...
Он давненько приметил – хоть сила и ум в его власти,
Но из этого в жизни ещё не составить всё счастье...
И безумному внял:
Он увидел, что мягкое, косное в мире едва ли
Не важнее сухого и строгого.
Ночи такие бывали,
Где лишь слабость, и слёзы, и стон
Иссекали блаженства и свету из мути кромешной,
Он любил свою женщину слабою, глупою, нежной
И туманной, как сон...

Так для искр нужен трут (искры в камушке влажном таились),
Чтобы, ярко блеснув, долго жили в миру и змеились.
Для корчаг из крутых корневищ
Нужен угол прохладный, сухой (рядом с кадкой дубовой).
Зачерпнёшь в летний зной мягкой влаги кусок родниковый,
Жар в груди утолишь...
Он давненько приметил, что влажное, косное много
Благодатней и лучше, чем то, что разумно и строго,
Свито, слажено к приумноженью себя,
Чутким сердцем он внял – блеск сухого, как мысль, совершенства
Одинок в этом мире, и жить без разлитий блаженства
Можно лишь не любя.

Он любил свою нежную, глупую женщину. Жалость
Пела в сердце, и женщина, слыша ту песнь, распложалась,
Растекалась поюще кровью, и здесь,
Здесь она и пропела былинную глупость про дятла,
И тогда Человек не ударил, не вздёрнул за патлы,
Но расплылся, ослабился весь.
Он погладил пушистые патлы, и за руку взял, и повёл он
Ко другой золотистой сосне и, терпения полон,
Перст воздевши в притихшей глуби,
Вновь задумчиво молвил: «Вот – дом!...»
И когда терпеливо
Сотню сосен пометил – она поняла, и счастливо
Засмеялась – «Руби!»
Засмеялась, заластилась к мужу, смотря на него восхищённо...
Но качал Человек головою. Думал медленно и отрешённо.
И надумал. И твёрдо сказал: «Не поря.

Дом ещё не готов. Дом сырой. Бродят в доме древесные соки.
Вот ударит мороз – станет звонким, сухим. Грянут сроки
Для кремня-топора!...»

И настала зима...
И увёл он обратно к пещере
Свое племя. Огонь в очаге разъярил и ощерил,
И кремнёвый топор заострил,
И свалил золотую сосну, и сучки обрубил, и умело,
Сняв кору, обтесал кремешком её ладное тело,
И пазы отворил...

Что ни утро теперь, шёл тропой к заповедному бору,
За сосною сосну (чтобы плотно ложились, чтоб впору
Были чашки-пазы) – расстилал.
И ложились венцы в основание, вязаны ровно,
Обло рублены, кряжем могучим. А верхние брёвна –
Те поменее клал...
И всходил добрый сруб, и светился на ясной поляне,
Как увиденный свыше...
И верно. В сиянном тумане
Было как-то виденье ему:
Дом стоял в небесах – вот как есть – от подножья до крыши!..
Ибо нечто создать на земле, не сиявшее свыше,
Не дано никому.

Но вначале он видел корчевье, прапращуря поле...
Дом над полем парил, а под ним что-то резко, до боли
Мёртвой точкой чернело внутри.
И увидел он – Череп. И вспомнил родные могилы...
Дом не будет стоять без отеческой, кряжевой силы,
Как уж тут ни мудри.
И его осенило. Ведь Дом – Человек!
Деревянный, трёхчастный,
А внутри его – люди. Живут потихонечку, жизнью согласной
С жизнью леса, земли и небес:
Ноги – в почву уходят корнями, а тулово – воздухом дышит,
А глава – в небесах. Много видит он, многое слышит
С возвышенья окрест...

Прах отца потревожить? Ни-ни! А вот краеугольный
Камень должен залечь в основание, в угол подпольный.
А вот череп коня подложить
Под него – будет правильно. Конь был опорой, надёжей,
Другом пращуря, прадеда, рода... и ныне поможет!
А иначе как жить?
И зарыл он под камень, под угол заветный в подполье

Белый череп коня, Дом отцовскою силой пополнил.
Отчего ж пустовато в дому?..
От трудов и раздумий устав, он прилѣг в недостроенном срубе,
Млечный Путь расстилался над ним... и сквозь дрѣмные глуби
Просияло ему.

Он услышал из дальней дали, из родных изначалий,
Как тепло в тишине колыбельные песни журчали,
Как струилось в него молоко...
И очнулся, и вспомнил о Матери,
В доме – её не хватало!
Встал, и магицу вырубил. Сруб перекрыл. В доме стало
И тепло, и легко.
В доме печь задышала. Стряпной бабий кут хлопотливо
Запыхтел, заиграл. Ребятишки смотрели счастливо
На румяную мать, на отца...
И пристроил он сени к избе. Клеть холодную (к лету).
И сарай, и стайки для птицы – за летнею клетью.
И ограду от зверя – с торца.

А еще оставалась конюшня и хлев для коровы,
А еще и колодец!..
В низинке, средь лога сырого,
Он ударил пешнѣй, и вода
Полилась на свободу – блеща, орошая угодыя...
Камнем ключ обложил. Вывел крышу над ним.
Ниоткуда, навроде,
Не сквозила беда.

Но, примерившись к Дому, петляло и смутно блуждало
Время, в круг не оформясь ещё, и ещё досаждало
Племя навье – шиши, упыри,
И кручины, и навьи... – бандитские вылазки на дом
Учиняли в обиде: зачем обходить их укладом?
Гнать зачем от двери?
Не они ль в человеке оформили Страхом тот выдел –
Быть отдельным от мира? И он их обиду увидел.
И решил: надо здесь по-людски,
По-хорошему надо с «братишками» здесь разобраться,
И – на пир пригласил. Кликнул в чаще: «Айда ко мне, братцы,
Распрямя всем вопреки!..»

Что за сброд, что за сборище выло в дому! Раскаряки
Приползли бородавчатой нечистью, лапы-обрубки, коряги
Клали прямо на стол в терему,
Мокры бороды в блюда макали, хвостами водили
По белым половицам, и, хлюпая, так наследили –

Непостижно уму!

И хозяйка, давясь отвращеньем, осклабясь в улыбке
(Ибо так наказал Человек), им несла то грибочка, то рыбки,
То мясца, то блинца.

И восторженно гукала нечисть и, чавкая, глухо шумела...
Но ни путной беседы, ни речи какой завести не умела,
Ни какого словца.

Ни о сферах влиянья (он понял) тут не доболтаться,
Ни о чем поумнее. И встал над застолием: «Братцы! –
К ним воззвал. – Досточтимый содом!

Путь-дороженька, вишь, разошлась у нас.

Значитца, нужно

Без обиды решать, как нам жить – и отдельно, и дружно,
Всяк своим чередом.

Вон за печкой, в закуте – сухарик и глечик с водичкой
Оставлять буду к ночи. А в баньке – канун рожаничный.

Кой-какие корзинки в овин

Подносить стану в праздник... и вам необходимо, навроде,
Ненакладно и нам. Мы – в древесном тепле, вы – в болоте.
До незнамых новин...»

Посопели, пофыркали серые, порасползлись восвоися...

Улестил их, отвадил. Да их и не шибко боялся –
Неважнецкие твари, мокреть.

Много больше, грозней волновало иное – Сварога

Обоять бы, да Велеса, гнев отвести от порога,

Зачураться бы впредь!..

И смекнул человек: «А возьму, изукрашу хоромы

Оберегами хитрыми так, чтобы молнии-громы

Стороной обходили. Лобан

Поднабью на избу, и коруною осьмиконечной

(Солнца знак!) от грозы, от напасти увечной

Будет мне талисман.

Окна, устье печное, карнизы изрежу. – Инако

Дом в узорах-причелинах будет смотреться. Однако,

И на кровлю огниву-доску

(От пожара да огненна зора какого) прилажу,

Да резных полотенцев навешу – Стрибога уважу.

Верю насеку.

А на поле, в дожинки, в последних снопах колосистых

Завивать стану бороду Велесу. – В доме, в полях золотистых

Завсегда будет чтим, знаменит.

С верным Псом-Переплутом посевы и всходы на пашне

Стерёжет неустанно? Воздай! – Он и скот твой домашний,

Он и хлеб твой хранит.
А на самую крышу конька посажу, запрягу его – Домом,
И воссяду – ну чем не возок тебе? – править хоромом:
Кнут в руке, на портах поясок.
Есть полозья, окошечки...
В окна – выглядывать детям.
Бабе – печь пироги.
Ну а мне? А мне – править всем этим!
Чем тебе не возок?

Далеко-далеко, сквозь три мира я еду, и все их
Своим домом связал. Первый мир – тот на ящерах-змеях,
Жар клубя, громоздится внизу.
Мир второй – на земле: с человечками, с птицею-зверем.
Ну а третий – уж тот в небесах...
И куда я свой терем
Сквозь три мира везу?

Тот ответ не за мной. Моё дело – не встренуть ухаба...
И живёт во подполье моём золотая царь-жаба.
Древо-царь восстаёт средь двора:
В недрах – корни кипят, в птицах, в звёздах – купается крона,
Округ тулова – пчёлы, детишки кружатся, и ровно
Вьётся время – Пора...»

Приналадилось Время. Пошло завитыми кругами
Опясывать Дом, словно древо – годами, веками
Оплело человека, стесня
Удаль дикую в жилах, змеиный огонь безначалья...
И сам Род-Световид заключил в себе смерть и печали,
Ход времён осень...

Вольман Леонид (р. 1947). 25 лет проработал в московских букинистических магазинах. С 1991 года проживает в Израиле. Автор книги «Литературные параллели Константина Кикоина в контексте русской поэзии XX века» (Иерусалим, «Филобиблон», 2018), автор ряда статей и рецензий в выпусках альманаха «Иерусалимский библиофил» (2003–2015), в газете «Вести», в международных сетевых журналах «Мы – здесь», «Заметки по еврейской истории», «Семь искусств».

